

Сергей Шишулькин,
кандидат философских наук

СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ РАННЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Приводится в сокращённом виде

Возникновение идеальных проектов общественного устройства Средних веков было в определенной степени подготовлено в римскую эпоху, которая заложила объективные предпосылки для распространения идей о единстве всего человечества, о всемирном масштабе его истории.

Рассматривая длительную и сложную предысторию социальной утопии, можно обнаружить, что почти все утопии выступают, как правило, в религиозном облачении. Уникальной особенностью утопического мышления является отказ принять в качестве объекта познания окружающую социальную действительность. Объектом исследования социальной утопии является идеальная реальность, какой она должна

быть по мнению автора утопического произведения. И здесь мы должны отметить определенную страсть, с которой авторы утопических произведений возвещают миру осветившую их истину. В этом озарении свыше мы видим религиозные корни социальной утопии.

В идеальном обществе будущего вера в бога выступает как своего рода нравственная скрепа. «Человек должен быть всецело предан религии и всегда по- ▶

читать своего творца» [3, с. 108]. Определенные основания для того, чтобы при выдвигании утопического идеала опираться на идеи ранних христиан, действительно имелись. Например, движение ессеев, которое для нас представляет исключительный интерес. О ессеях упоминает историк Иосиф Флавий и философ Филон [4]. И тот, и другой дают приблизительно одинаковое изображение есейской общины: «Они живут все вместе, организованные в кооперации, братства, и все заняты были работами для общины. Никто из них не имеет собственного имущества, ни дома, ни раба, ни земли, ни стада, ничего вообще, что приносит богатство. Но, соединяя вместе все свое имущество без различия, они все пользуются им сообща... Что принадлежало одному, то принадлежало всем, а что имели все, имел и каждый» [2, с. 66-67]. Эти идеи и настроения получили быстрое распространение и в других частях Римской империи. Так, мы находим общины терапевтов, аналогичные есейским, в Египте. Подобно ессеям, терапевты отвергали окружающий мир с его злом, мечтая только о сохранении своей моральной чистоты и о том, что их общины послужат примером для всех других.

Таким образом, есейские общины представляют собой первую рациональную попытку построения общества на основе социального равенства и справедливости. Больше того, движение ессеев, как по своей структуре, так и по идеологии стало прообразом всех последующих утопических проектов.

«Утопическое сознание восприняло многие внешние признаки сознания религиозного, но их сущность, содержание и цели принципиально различны, во многом даже противоположны» [5, с. 76]. Соглашаясь со мнением Е. Чертковой о неправомерности отождествления утопии и религии, в то же время нельзя не отметить того факта, что обе эти формы сознания занимаются проблемой совершенствования. Так, например, утопия устремлена на совершенствование общественного строя, в то время как религия направлена на совершенствование природы человека. В определенной мере это стремление является общим стержнем, точкой пересечения утопии и религии. Недовольство общественным строем — оборотная сторона недовольства природой человека, о которую разбились все проекты утопического переустройства мира.

Интеллектуальная история человечества богата не только критикой социального устройства, но и разнообразными идеями преобразования наличной действительности независимо от социального, политического или культурного контекста. Однако на пути реализации тех или иных проектов, направленных на преобразование социальной реальности, всегда стояла несовершенная природа человека. Таким образом, идея постепенного улучшения человеческой природы как необходимого условия всеобщего счастья переключается с верой в тысячелетнее Царство Божие на земле. Другими словами, через совершенствование природы человека мы получим совершенное общество. Тем самым будет решена единая задача совершенствования и человека, и общества.

Христианство дало утопической мысли еще мечту о лучшем общественном строе, идею тысячелетнего Царства Божьего. В христианском мировоззрении Средних веков реализуется принципиально другой образ совершенства. Понимание совершенства находит своё выражение в понятии святости, идеальный же образ святости наиболее полно раскрывается в образе Христа. При этом земная жизнь утрачивает своё самостоятельное значение и используется как средство обретения жизни вечной. Учение о Царстве Божьем выступает основанием для толкования социальной реальности в рамках христианского мировоззрения. Божественность происхождения христианских норм определяет устойчивость и незабываемость нравственных идеалов человека Средних веков.

Одним из произведений, оказавшим влияние на формирование средневекового мировоззрения, является трактат Августина Блаженного «О граде Божьем». Учение Августина о двух градах становится первым масштабным истолкованием истории с точки зрения замысла Божьего о человеке. История представляет собой постоянную борьбу между двумя градами: земным и небесным. В небесном правит милость, в земном — порочная природа. Рождение человека делает его гражданином земного града, в свою очередь духовное рождение, доступное лишь посредством таинства крещения, приобщает человека к граду небесному. «Граждане, принадлежащие к обоим градам, в мирской жизни “перемешаны”; грань, отделяющая одних от

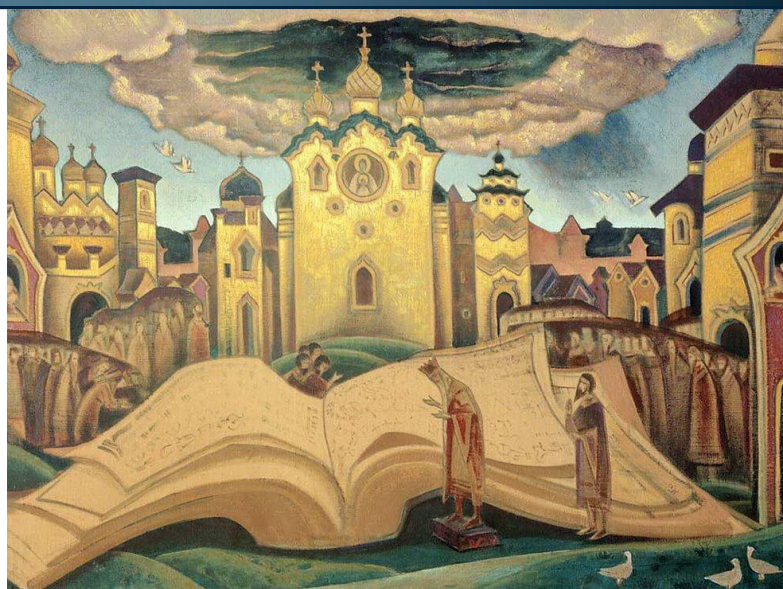
других, остается для человека незримой, и только Богу она видна. Очевидно, что в этих случаях “Град Божий” и “Град земной” не совпадают ни с земным государством, ни с видимой Церковью — в каждом случае можно обнаружить граждан обоих градов. Они по сути — две мистические общности, состоящие из людей, преследующих принципиально различные цели» [1, с. 90].

Град Божий для Августина — это идеальное государство, принадлежность к которому определяется исполнением нравственных заветов Евангелия. По существу, главный принцип средневекового мирозерцания — «установка на признание власти абсолютного идеала» [6, с. 129]. При таких мировоззренческих предпосылках существующему социальному строю противопоставляется идеал первоначальной христианской общины. Она еще более идеализируется, выступая образцом, с которым сравниваются те отношения социального равенства и братства, которые в ней будто бы существовали, с отношениями, существующими в современном Средневековью христианском мире.

С этим связана еще одна особенность: утопические идеи Средних веков становятся «руководством к действию» лишь в моменты острых социально-политических кризисов. В некоторой степени появление утопий или отдельных утопических идей является определенным барометром назревающих социальных противоречий. В периоды относительного общественного мира для Средневековья характерны представления о переустройстве общества путем проповеди, а отнюдь не путем революционных действий.

Более того, именно в эпоху раннего Средневековья мы наблюдаем первые попытки практической реализации идеального государства в виде создания монастырских общин. Несомненно, первые монастыри возникали под действием все тех же мотивов, какие лежали в основе организации общин ессеев и терапевтов.

Членами монастырских общин становились люди, стремившиеся в первую очередь к практическому осуществлению своего идеала. Их идеал — это не переустройство государства в целом по определенному единому плану, а небольшая община, удовлетворяющая сама все свои потребности. Таким образом, монастыри являются своего рода некоторым новым этапом в исто-

рии утопической мысли, который в гораздо более позднюю эпоху получит своё теоретическое обоснование.

В целом, идея постепенного улучшения не только общества, но и природы человека уходит своими корнями в религиозную традицию Средневековья и перекликается с верой в тысячелетнее царство добра и справедливости. Необходимым условием достижения всеобщей гармонии является религиозно-нравственное перерождение человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Августин Блаженный. О Граде Божьем. Минск: Харвест, 2000. 1296 с.
2. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей. М.: Наука, 1975. 296 с.
3. Кампанелла Т. Город солнца. М.: Академия наук СССР, 1954. 232 с.
4. Тантиевский И.Р., Светлов Р.В. «Ессеи как пифагорейцы»: предестинация в пифагорейзме, платонизме и кумранской теологии // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 1. С. 54-66.
5. Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71-81.
6. Шишулькин С.А. Социальная идеализация в контексте античной и средневековой традиции: восток и запад // Проблемы истории, филологии, культуры. 2005. № 15. С. 125-130.
7. Шишулькин С.А. Социальная утопия: опыт онто-гносеологического анализа. Магнитогорск, 2006. 118 с.